

А.А. Бочаров (Санкт-Петербург)

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ БАШНЯ КРОНШТАДТСКОЙ КРЕПОСТИ: ОЧЕРК ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ оборонительная башня является одним из наименее известных сооружений Кронштадтской крепости. Ее история не привлекала внимания исследователей. То же самое можно сказать и о Кронштадтской военно-морской следственной тюрьме, находившейся в Северо-восточной башне с 1872 до начала 1920-х гг. Историк Петербурга П.Н. Столпянский писал в начале 1920-х гг.: «История этой тюрьмы еще совершенно не разработана, но архив ее, если он сохранился, должен заключать в себе много интересного»¹.

Тем не менее, история военно-морской следственной тюрьмы не изучена до сих пор. Литература по истории Кронштадта содержит лишь отрывочные упоминания о Северо-восточной башне и находившейся в ней тюрьме. Немногим больше удалось найти в материалах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ).

Постройка северо-восточной оборонительной башни на стыке северного и восточного фронтов Кронштадтской крепости была закончена в 1830 г. Она представляла собой одностороннее кирпичное здание на гранитном цоколе². «Старая постройка николаевских времен; уже снаружи производит жуткое впечатление: небольшие окошечки с тюремной решеткой, толстые казематные стены» – так в XX в. описывал вид здания Столпянский³.

Нам не удалось обнаружить сведений об использовании Северо-восточной башни в первые два десятилетия ее существования. Согласно мемуарам адмирала И.А. Шестакова, в годы Крымской войны 1853–1856 гг. башня использовалась

в качестве хранилища пороха⁴. Архивные материалы свидетельствуют о размещении здесь порохового склада вплоть до 1865 г.⁵

Новая страница в истории сооружения началась в середине 1860-х гг. Судебная реформа Александра II и связанные с ней меры по ограничению телесных наказаний и их замене тюремным заключением вызвали потребность в создании мест заключения для нижних чинов флота.

Так, в 1865 г. в Петербурге была открыта Военно-исправительная тюрьма морского ведомства в здании так называемой Арестантской башни на острове Новая Голландия. Она предназначалась для содержания осужденных матросов. Но ведомство нуждалось и в помещениях для подследственных и подсудимых нижних чинов. 4 декабря 1865 г. управляющий Морским министерством Н.К. Краббе принял решение направить имевшиеся у министерства денежные средства, предназначенные для создания мест заключения, на устройство помещений для содержания подследственных и подсудимых матросов.

В Кронштадте для этой цели была избрана Северо-восточная башня. В ней предусматривалось устройство общих и одиночных помещений (карцеров). Последние должны были иметь площадь не менее 20 квадратных аршин каждое и быть отделенными друг от друга деревянными перегородками. Предполагалось, что в тюрьме сможет одновременно находиться до 150 человек⁶.

16 июля 1872 г. император Александр II утвердил штат управления Северо-восточной башни, который предполагалось ввести в действие с 1 января 1873 г. Согласно штату тюрьму возглавлял смотритель, назначавшийся из числа штаб- или обер-офицеров морского ведомства. Подчеркивалось, что матросы, назначаемые для службы в тюрьме, должны были быть из числа «неспособных», т. е., вероятно, негодных к строевой службе⁷. 19 марта 1873 г. для «более точного определения цели назначения означенной башни» она была переименована в Кронштадтскую морскую следственную тюрьму⁸. Приказом генерал-адмирала от 1 января 1873 г. смотрителем был назначен состоящий по Адмиралтейству штабс-капитан Семен Гаврилов⁹.

К сожалению, не удалось обнаружить почти никаких подробностей, рисующих быт заключенных тюрьмы в первые годы ее

существования. В выше упоминавшемся штате тюрьмы имеются сведения, что на «чистку сапогов и заведение щеток полагается по 30 коп. на каждого заключенного в год, а равно по $\frac{1}{4}$ фунта мыла в месяц на человека»¹⁰. Не удалось найти и сведения о численности заключенных, содержавшихся в тюрьме в 60–80-х гг. XIX в.

Насколько можно судить по отрывочным сведениям, основная проблема заключалась в недостатке помещений и их неудобном расположении. Из-за этого нижние чины, находящиеся под следствием и судом, содержались совместно с уже осужденными, в отношении которых судебные приговоры не вступили еще в законную силу. Такое совместное пребывание заключенных различных категорий продолжалось иногда по нескольку месяцев.

Вопрос о возможной перепланировке помещений тюрьмы несколько раз становился предметом переписки между различными учреждениями и должностными лицами. Так, 24 мая 1880 г. прокурор при военно-морском суде Кронштадтского порта барон Буксгевден в докладе главному командиру порта писал: «Следственная тюрьма представляет собой узкое и длинное здание, в котором сначала друг за другом имеются подряд три общие камеры, не отделенные между собою дверьми, в которых содержатся все находящиеся под следствием и судом, могущие по суду быть оправданными, а также приговоренные как к исправительным ротам, откуда нижние чины возвращаются во флот, так и приговоренные к самым тяжким уголовным наказаниям, сопряженным с исключением из воинского звания. Такое сообщество не может не иметь самого пагубного влияния на тех нижних чинов, которые, будучи оправданы, тотчас возвращаются в команды»¹¹.

Прокурор обращал внимание и на то, что положение служащих тюрьмы в связи с этим является очень опасным. Он предложил разделить три камеры запирающимися дверьми, чтобы отдельно содержать следующие категории заключенных: 1) подсудимых; 2) приговоренных к исправительным работам; 3) приговоренных к наказаниям, сопряженным с лишением воинского звания¹².

Свое предложение Буксгевден повторил и в письме главному военно-морскому прокурору К.Я. Яневичу-Яневскому от 13 ок-

тября 1881 г.¹³ По инициативе того вопрос о перепланировке здания башни был передан в Строительное отделение Морского технического комитета¹⁴. Однако, несмотря на согласие управляющего Морским министерством А.А. Пещурова с идеей перепланировки тюремных помещений, этот вопрос так и не был решен из-за финансовых проблем.

Руководство морского ведомства проявляло заботу не только о материальном положении заключенных и условиях их содержания, но и об их досуге и просвещении. Так, в ведомости книг, купленных для арестованных (1880), значится 74 книги. Это религиозная, научно-просветительская, военно-историческая и историческая литература¹⁵.

Внимание морского руководства к следственной тюрьме вновь было привлечено после нападения арестантов на конвой в ночь на 9 марта 1884 г. Архивные материалы следующим образом рисуют это событие, а также ситуацию, сложившуюся к тому времени в тюрьме.

Вечером 8 марта конвойный матрос Де-Тилот сопровождал с двумя другими конвойными двух арестованных нижних чинов на кухню за ужином. Там матрос госпитальной роты попытался передать арестованным сверток. Де-Тилот не позволил сделать это, что и стало причиной попытки нападения на него в ночь на 9 марта около пятнадцати арестованных. Они были вооружены палками или ножками от кроватей. Утром во время вывода заключенных произошел новый инцидент с участием десяти или пятнадцати человек, в том числе осужденного на каторгу матроса Барахматова. Де-Тилот, получивший травмы головы и лица, спасаясь от избиения, вынужден был спрятаться под кроватью. При этом остальные конвойные бежали, даже не попытавшись защитить своего товарища¹⁶.

Расследование дела о нанесении побоев конвойному матросу, по словам прокурора при военно-морском суде Кронштадтского порта, «обнаружило крайнюю несостоятельность внутренней организации тюрьмы, а также полнейшую распущенность арестованных в ней нижних чинов». Так, было обнаружено, что заключенные курили в камерах, играли в карты и другие игры и даже устраивали подобие театральных представлений, а все камеры, в том числе одиночные карцеры, отворялись на ночь по желанию арестованных¹⁷.

Неформальные порядки, установившиеся в тюрьме, разлагающе действовали на арестованных и побуждали несших службу в тюрьме конвойных нижних чинов пренебрегать своими обязанностями. Из показаний допрошенных на следствии лиц выяснилось, что дежурные в тюрьме боялись заключенных («...арестованные прямо говорят “живи смирно, а то не снести тебе башки”; ходить на службу в тюрьму очень страшно, никакого безобразия между арестантами прекратить нельзя, того и гляди, что убьют, да еще сонного; приходится все делать по желанию арестованных, там все — и каторжные, и поселенцы — находятся вместе, будешь перечить — и головы не снесешь; в тюрьме боязно, заставить арестантов что-нибудь делать нельзя, случается, что сам убираешь и подметаешь палубу; обвиняемые в убийстве находятся в общих камерах и угрожают служащим»)¹⁸.

Вновь внимание было привлечено к тому, что содержащиеся в тюрьме помещались в трех общих камерах, двери между которыми, пришедшие к тому времени в «крайнюю ветхость», не запирались. Несмотря на то что численность служащих при тюрьме достигала 40 чел. (ежедневно при тюрьме находились 17 человек караульных при офицере, 15 конвойных, 3 дежурных унтер-офицера, смотритель тюрьмы и 4 унтер-офицера), фактически надзор за порядком в трех общих камерах вверялся двум дежурным унтер-офицерам. Ночью к ним прибавлялось трое конвойных без оружия, стоявших посменно на часах. Остальная охрана помещалась ночью частью в караульном доме, а шесть человек часовых спали безоружными в коридоре одиночных карцеров. Таким образом, ночью, когда тюрьма запиралась снаружи, содержащиеся под стражей в общих камерах, а их число иногда превышало 90 чел., оставались под наблюдением двух унтер-офицеров и трех безоружных конвойных. Незадолго до событий 9 марта 1884 г., как выяснилось на следствии, произошел еще один инцидент: арестанты, считавшие, что у одного из охранников есть при себе деньги, напали на него, когда он стоял на часах в одиночных карцерах, но ничего не нашли и напали на дежурного квартирмейстера Сайкова, думая, что конвойный успел передать деньги ему. Сайкову «пришлось перекреститься, что у него денег нет». Обе жертвы нападения промолчали об этом случае из-за страха перед арестованными¹⁹.

Прокурор при военно-морском суде Кронштадтского порта предложил два решения относительно преобразования тюрьмы: построить новое здание или найти помещение, которое «могло бы удовлетворять требованиям правосудия, службы и самих обвиняемых»²⁰.

Некоторое время рассматривалась возможность перемещения тюрьмы в форт «Меншиков». В одном из документов за март 1884 г. имеется упоминание о таком пожелании, высказанном управляющим Морским министерством И.А. Шестаковым после осмотра тюрьмы. «Находя помещение этой тюрьмы крайне неудовлетворительным», Шестаков поручил главному военно-морскому прокурору К.Я. Яневичу-Яневскому рассмотреть возможность, по согласованию с военным ведомством, приспособить под следственную тюрьму форт «Меншиков», принадлежавший Военному министерству²¹. Однако, как свидетельствует письмо из канцелярии Морского министерства главному командиру Кронштадтского порта от 3 апреля 1884 г., эта идея была отвергнута, как из-за неудобства помещений в форте, так и по причине «значительности расхода, требующегося на это приспособление»²².

За период с 1899 г. в архивных материалах имеются сведения о численности заключенных, содержавшихся в следственной тюрьме. Так, по состоянию на 1 января 1899 г., здесь находился 61 чел. (43 – в общих помещениях и 18 – в одиночных)²³. В дальнейшем численность содержавшихся в тюрьме нижних чинов составляла, как правило, от 50 до 80 чел.

Иногда учреждение использовалось для содержания не только обвиняемых в уголовных преступлениях и правонарушениях, но и участников революционного движения на флоте, в частности Кронштадтских восстаний 1905 и 1906 гг. Так, 28 октября 1905 г. в тюрьму была доставлена группа матросов (11 человек), задержанных за участие в беспорядках в ночь на 27 октября²⁴.

Заслуживают внимания попытки побегов из тюрьмы. Одна из них была совершена в ночь на 4 апреля 1903 г. тремя подсудимыми, безуспешно пытавшимися сделать проломы в стене, а затем в печной трубе²⁵. Еще одна попытка произошла в ночь на 18 июля 1910 г. В ней участвовали матросы Иван Мужичук, осужденный за убийство, кражу со взломом и другие преступления к ссыл-

ке в каторжные работы на 20 лет, и Константин Иванов, осужденный за ряд побегов со службы. Получив от кого-то, возможно одного из конвойных, стальной напильник, они перепилили кандалы, в которые был закован Мужичук, и один из железных прутьев оконной решетки и выбрались наружу, но вскоре были задержаны²⁶.

В ходе событий Февральской революции восставшие моряки и солдаты освободили заключенных, содержавшихся в тюремных учреждениях Кронштадта, в том числе в военно-морской следственной тюрьме²⁷. После февраля 1917 г. в тюрьму поступили новые арестанты: офицеры и чиновники. Очень отрывочны сведения о заключенных, содержавшихся в тюрьме в последующие месяцы 1917 г. Так, в августе 1917 г. в тюрьме находились 13 матросов и унтер-офицеров, арестованных «по политическому делу», 4 матроса за «стрельбу по пароходу, будучи на батарее в карауле», и 2 матроса, «дисциплинарно арестованные и за разные мелкие проступки»²⁸.

После Октябрьской революции Северо-восточная башня и следственная тюрьма по-прежнему находились в ведении Военно-морского флота. В марте 1921 г., в дни антисоветского восстания, здесь содержались кронштадтцы, не поддержавшие это выступление²⁹. История Северо-восточной башни после 1921 г. может стать предметом дальнейшего исследования.

¹ Столянский П.Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. [Пг]: Гос. изд-во Санкт-Петербург, 1923. С. 133.

² Тимофеевский Ф.А. Краткий исторический очерк двух столетий города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 49; Столянский П.Н. Указ. соч. С. 109–110.

³ Столянский П.Н. Указ. соч. С. 133.

⁴ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост., предисл. и коммент. В.В. Козыря. СПб.: Судостроение, 2006. С. 398.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 4. Д. 262. Л. 11 об.

⁶ Там же. Л. 10, 10 об., 11, 12.

⁷ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 974. Л. 60–61.

⁸ Там же. Л. 76, 77.

⁹ Там же. Ф. 930. Оп. 4. Д. 268. Л. 103 об.

¹⁰ Там же. Д. 974. Л. 61.

¹¹ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1006. Л. 2, 2 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Отчет по морскому ведомству за 1879–1883 гг. СПб., 1885. С. 130.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 4. Д. 316. Л. 23–23 об.

¹⁶ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1211. Л. 2, 2 об., 7.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6, 6 об.

²⁰ Там же. Л. 10, 10 об.

²¹ Там же. Д. 1006. Л. 8, 8 об.

²² Там же. Ф. 930. Оп. 4. Д. 316. Л. 44, 44 об.

²³ Там же. Д. 359. Л. 1–3.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 396. Л. 4.

²⁵ Там же. Д. 368. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 480. Л. 6–7.

²⁷ Гордеев П.Н. Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2007. С. 80.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2353. Л. 289.

²⁹ Столянский П.Н. Указ. соч. С. 133–135.